

Закончив приветствие, Чжун Чжэнь Дун больше ничего не сказал. Под потрясенными взглядами он взял под руки маленького белого кролика и пошел прочь.

Одной рукой он держал маленького белого кролика, а другой тащил за собой мелкого негодника. Хотя дома этот сорванец сопротивлялся, на людях, он понимал, что пистолет всегда должен быть направлен наружу, поэтому было обоюдное согласие разыграть эту пьесу.

- Это не слишком? - тихо спросил Тан Синь Лянь. Поначалу она просто хотела использовать свое замужество, чтобы прогнать преследователей. Она не собиралась выставлять это напоказ, но, посмотрев на завистливые взгляды этих женщин, немного нервничала.

- Как слишком? Если все узнают, что у тебя такой красивый и нежный муж, другие люди перестанут тебя беспокоить. Разве ты не этого хотела?

- Это да, но показывать всем нашу любовь кажется чрезмерным. Выглядит, словно мы хвастаемся.

- Неужели?

- Да. Если ты согласишься на обычные супружеские пары, кто из них будет обниматься и зажиматься на публике? Мы не похожи на мужа и жену, скорее на любовников, которые пылают страстью друг к другу.

Тан Синь Лянь сама предложила ему вести себя как супружеская пара, но Чжун Чжэнь Дун оказался более увлечен игрой, чем она. Перед незнакомыми людьми он обнимал ее, целовал и иногда шептал ей на ухо несколько слов. При этом, не чувствуя никакого смущения, но другие люди краснели, просто глядя на это.

- Ты знаешь, что эти женщины часто сплетничают за твоей спиной?

- Знаю, потому что они боятся, что я соблазню их мужей. Поэтому-то мне пришлось найти тебя и представить как своего мужа, и, надеюсь, они смогут расслабиться.

- Ты действительно маленькая дурочка. Неудивительно, что люди так легко на тебя наступают, - он слегка щелкнул ее по носу.

Тан Синь Лянь нахмурилась, дотронувшись до носа:

- Почему это я дурочка?

- Слушай внимательно, быть предметом сплетен - это тоже своего рода домогательство. Ты думаешь, что, сообщив другим, что у тебя есть муж, эти слухи просто исчезнут? Не глупи,

слухи никогда не прекратятся, они только изменятся. Чтобы остановить это преследование – нужно поднять шум, который это перекроет. Поняла?

Синь Лянь непонимающе уставилась на Чжун Чжэнь Дуна.

– Не понимаю.

– Дурочка, я знаю, что в тебе нет тщеславия. Тебя также не волнуют эти бездумные замечания, потому что ты считаешь, что деньги не приносят счастья, репутация не стоит многого, а преследование поверхностных вещей делает человека пустым. В результате тебе не нужно заботиться о мнении других. Люди должны жить для себя, не так ли?

Тан Синь Лянь энергично закивала головой, чувствуя удивление:

– Да-да, откуда ты знаешь? – она действительно так думала.

Чжун Чжэнь Дун рассмеялся. Мысли маленького белого кролика были чистыми, добродетельными и легко читались, поэтому он, естественно, знал, о чем она думает. И понимал эти принципы лучше, чем она. Маленький белый кролик была глупой, но это также было одной из причин, почему она ему нравилась.

– Позволь мне сказать тебе кое-что. Дело в том, что в этом мире много поверхностных и тщеславных людей. Критические выражения в их глазах подобны кинжалам, а бездумные замечания из их уст – яду. Они любят использовать чужие несчастья, чтобы подчеркнуть свое счастье и превосходство. Ты не хочешь возиться с этими людьми, но все же должна остерегаться, чтобы они не растоптали и не причинили вреда тебе и твоему сыну. Когда придет время, ты должна будешь взять в руки оружие. Кстати говоря, одну вещь ты сделала правильно, а именно выбрала своим мужем меня. Это заслуживает награды.

Он поцеловал ее в губы, заставив маленького белого кролика и мелкого негодника широко открыть глаза. Да, он сделал это нарочно. Правду нужно говорить, а тофу – есть. На улице было много глаз, внимательно наблюдающих за ними, поэтому маленький белый кролик и мелкий негодник не осмеливались протестовать.

Конечно же, Тан Синь Лянь бросила на него застенчивый и холодный взгляд, в то время как мелкий негодник последовал за ней, осмеливаясь только фыркать от ярости и бросать на Чжэнь Дуна недовольные взгляды.

Он притворился слепым и продолжил свою речь:

– Демонстрация нашей любви на публике – это оружие, но цель такого оружия не в том, чтобы они восхищались или завидовали вам. Конечно, я не отрицаю, что это вызовет восхищение и ревность, но при этом оно достигнет своей цели – уважения.

Глаза маленького белого кролика загорелись:

– Уважение?

– Да. Мы не делали ничего, кроме как демонстрировали свою привязанность в общественном месте, получая восхищение и зависть одновременно, а также вызывая уважение и почет. С сегодняшнего дня никто не посмеет презирать тебя и твоего сына за то, что у тебя есть муж, который вас нежно любит и защитит.

Маленький белый кролик обдумывала его слова, впитывая их. Чжун Чжэнь Дун дал ей время переварить это и сел на скамейку в парке, позволяя ей сесть ему на колени. Мало-помалу его руки сжимали крепче, обнимая ее мягкое тело. Потом он бросил через ее плечо пронзительный и холодный взгляд на тех женщин, которые любили посплетничать.

С тех пор, как он пришел в этот старый кооператив, Чжун Чжэнь Дун поставил себя на чужое место и понял, что эти женские рты действительно были ужасны. Как оказалось, его маленький белый кролик была подвержена этому большому недовольству. Неудивительно, что она была вынуждена найти гея, который бы действовал как поддельный муж, – это действительно было жалко.

Как он мог позволить этим невежественным и ничтожным женщинам топтать его маленького белого кролика? Он смотрел на Тан Синь Лянь как на свою собственность, поэтому, естественно, не позволял другим людям критиковать ее.

Зависть – один из видов женской пищи, которая часто появляется из своих недостатков. Люди думают о том, чего у них нет, начинают жаждать этого, и поэтому они, естественно, будут завидовать другим.

Он души не чаял в маленьком белом кролике и больше показывал свою любовь перед этими людьми, что было величайшим наказанием для этих женщин. Ведь всего минуту назад завистливые и восхищенные взгляды этих женщин дали возможность увидеть их насквозь. У них не было заботливого мужа, и, поскольку они не могли добиться его любви, они накапливали обиду и горечь.

Это жалко. Чжун Чжэнь Дун усмехнулся. Первоначально это его не касалось, но если люди издевались над его маленьким белым кроликом, он не станет сидеть, сложа руки.

Чжун Чжэнь Дун не был милосердным человеком или кем-то, у кого было много лишнего сострадания. Поскольку он не стал лично преподавать им урок, а только позволил им страдать, наблюдая, как он обожает свою женщину, чувствуя, как зависть кусает их горькие сердца, это уже можно было считать его величайшим актом милосердия.

Маленький белый кролик, о котором он думал, тихо спросила:

- Старший брат Чжун, этого же достаточно? Спектакль этой пьесы почти закончен, можно ли его сейчас завершить?

<http://tl.rulate.ru/book/26322/582785>